

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Р. Ф. Итс

СЕВЕРНЫЕ ЮЭ И ИХ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ МАЛАЙЕ-ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Дискуссией в конце 1964 г. о древнейших этапах истории малайе-полинезийцев (объединение этих двух различных этносов вызвано их несомненной языковой общностью), о их «прародине», или исходной территории перед расселением по островам и архипелагам южных морей, американский журнал «Карент антрополоджи» вновь обратил внимание на одну из сложных этногенетических проблем [24].

Основными выступлениями в дискуссии, объединенными общей проблемой «Переселения малайе-полинезийцев от 1500 г. до н. э. до 500 г. н. э.» были статьи Чжан Гуан-чжи «Доистория и ранние историко-культурные горизонты и традиции в Южном Китае» [19], Вильгельма Г. Солхэйма II «Керамика и малайе-полинезийцы» [26], Джорджа В. Грасе «Лингвистические данные» [21]. В обсуждении поднятых проблем приняли участие многие видные этнографы, археологи и языковеды различных стран мира [20].

В соответствии с теми принципами этногенетических исследований, которые с начала 50-х годов были разработаны советской этнографией и получили всеобщее признание, американский журнал предпринял попытку представить в статьях упомянутых авторов комплексный подход к решению данной проблемы. Чжан Гуан-чжи, используя материал китайских исторических хроник и отдельные этнографические и археологические данные по районам Южного Китая, связывает начальный период этнической истории малайе-полинезийцев с приморскими районами Южного Китая. В. Солхэйм II, анализируя распространение конкретных типов керамики (в пределах изучаемого ареала), приходит к выводу о двух основных, имеющих своим исходным пунктом районы Южного Китая путях распространения керамики среди малайе-полинезийцев в Юго-Восточной Азии и Океании. Говоря об этом, Солхэйм допускает связь этих путей с направлениями миграций, расселения малайе-полинезийцев. Д. Грасе, привлекая различный конкретный языковой материал и подвергая его разбору как лексико-статистическим, так и сравнительно-историческим методами, устанавливает хронологию распространения малайе-полинезийских языков в рассматриваемый период. Он считает, что в 1500 г. до н. э. или в близкий к нему период малайе-полинезийские языки уже были распространены на Тайване, в Индонезии, Меланезии и, вероятно, на Филиппинах. Такой вывод, несомненно, имеет важное значение для корреляции лингвистических данных с материалами археологии, этнографии и истории.

Положения этих трех авторов вызвали оживленную дискуссию, в

которой, однако, не подвергалась сомнению (в отношении малайско-индонезийского этноса с авторами соглашался и Тур Хейердал [22]) концепция о связи этногенеза малайе-полинезийцев с материковой частью Восточной Азии, в частности с приморскими районами Южного Китая.

Повышенное внимание к полинезийской истории и культуре в последние годы, несомненно, было вызвано героическим плаванием знаменитого «Кон-Тики». Не разделяя точки зрения Тура Хейердала о путях заселения Океании, многие ученые вынуждены были детально заниматься этой проблемой, ибо таковым был широкий общественный интерес. Есть, однако, и более общие, не зависящие от сенсаций причины повышения роли этногенетических аспектов в этнографических исследованиях как в СССР, так и за его пределами. Интерес к происхождению этносов является прямым отражением исторического этапа национального освобождения многих народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Учитывая прежде всего научную значимость проблемы происхождения малайе-полинезийцев, в мировой этнографической науке предпринята попытка вновь с учетом прежних и новых данных вернуться к ней, так как дискуссия в «Карент антрополоджи» не дала, да вряд ли могла дать, ответ на все поставленные вопросы.

Более того, внимательное изучение материалов дискуссии показывает в ряде случаев слабое знакомство с теми материалами, которые были уже известны к 1964 г. Никто из авторов и участников дискуссии, за исключением японского синоведа Обаяси [25], не указывает достаточно конкретно исходной территории или этноса, с которыми были связаны древние малайе-полинезийцы в ранней истории Южного Китая. Этому вопросу в первую очередь и посвящается настоящая статья.

Открытие своеобразной археологической культуры в приморских юго-восточных районах Китая произошло еще в 1914—1915 гг. На протяжении полувека археологов различных стран привлекали два необычных для остального Китая вида находок — керамика со штампованным орнаментом (чаще всего геометрическим)¹ и шлифованные плечиковые топоры — тесла (или топоры-тесла с плечиками), сопровождавшие такую керамику. Первые 30—35 лет (после 1914—1915 гг.) археологические раскопки в Приморской области Южного Китая постоянно увеличивали зону распространения этих находок, так что для всего этого района утвердилось название «зона штампованной керамики». Не исключено, что пристальное внимание к определенному кругу памятников сказалось на некотором одностороннем суждении о неолите приморской области Южного Китая. Входящие в него провинции Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси, Тайвань и соседние острова стали рассматривать на всем протяжении новокаменного века как нечто единое в культурном и этническом отношении.

Сомнения по этому поводу в научной литературе встречались и раньше. Так, известный китайский этнограф Фэй Сяо-тун в статье, рассматривающей важность археологического изучения национальных районов для восстановления этнической истории некитайских народов, обособляет культуру плечикового топора и штампованной керамики. По его мнению, первая, видимо связана с предками современных чжуан, а вторая — с древними юэ, населением царства Юэ [16, 3—4]. Возражал против утверждения, что штампованная керамика всегда сопровождается ступенчатыми теслами, и Жао Хуй-юань [4].

¹ Речь идет о керамических изделиях, имеющих орнамент, нанесенный специальным штампом. Термин «культура штампованной керамики» широко употребляется в зарубежной литературе, он использован и в указанной выше статье Солхэйма II.

Даже не разделяя мнения этих авторов в конкретике, нельзя не подчеркнуть плодотворности их основной мысли. Действительно, археологи, в том числе и упомянутые Чжан Гуан-чжи и Солхэйм II, не обратили внимания, в частности, на своеобразие каменного инвентаря поздненеолитической и энеолитической эпох в двух частях этой области — северной (включающей провинции Чжэцзян, Фуцзянь и Тайвань) и южной (Гуандун, Гуанси).

Накопленные ныне археологические данные (особенно плодотворными были раскопки первой половины 60-х годов) позволяют утверждать, что поздний неолит Приморской области, где самым существенным является штампованная керамика (не исключено, что детальное изучение орнамента и керамического теста даст в будущем право говорить о различиях в этом культурном явлении, которое сейчас рассматривается как монолит), обнаруживает по каменному инвентарю два локальных варианта: чжэцзян-фуцзяньский² (сюда же входит Тайвань) и гуандун-гуансийский.

В условной чжэцзян-фуцзяньской зоне преобладают наконечники стрел и тесла ступенчатой формы; в гуандун-гуансийской же наряду с клинообразными и прямоугольными с отверстиями топорами имеется большое число плечиковых тесел. В этой связи любопытны реконструкции орудий труда как ступенчатой, так и плечиковой формы. Они были сделаны независимо друг от друга: в первом случае — Линь Хуй-сяном, видным китайским историком, археологом и этнографом, во втором — превосходным археологом и экспериментатором С. А. Семеновым.

Линь Хуй-сян показывает, что ступенчатое тесло, прикрепленное растительной обмоткой к короткому концу рукояти — естественному суку дерева, могло быть небольшой мотыгой или орудием для долбления сердцевины древесного ствола [9, 53—54]. С. А. Семенов считает, что плечиковая форма родилась в тех условиях, где бамбук играл огромную хозяйственную роль, так как бамбуковая муфта, заменяя роговую, позволяла крепить черенок топора самым удобным способом. Такое плечиковое орудие могло быть и топором, чтобы вырубать участки в лесных чащах, и теслом-мотыжкой (что зависело от насадки каменного лезвия продольно или поперечно) [1, 167—169]. Видимо, замена плечиковых орудий ступенчатыми в чжэцзян-фуцзяньской зоне³ не являлась «технологической необходимостью», возможно, что это показатель культурно-этнических различий.

Указанные различия достаточно четко выявляются, как сказано, в поздненеолитический и энеолитический периоды⁴, которые Линь Хуй-сян [9, 64] и вслед за ним более обстоятельно Инь Хуан-чжан [8, 84] хронологически отождествляют с временами Чуньцю — Чжэньго ханьской истории. В ту эпоху на территории Южного Китая, и в частности в Приморской области, по сообщениям китайских летописей, известны царст-

² Поздний неолит Чжэцзяна непосредственно связан с культурой Лянчжу северных районов этой провинции и юга Цзянсу. Вместе с тем сама культура Лянчжу имеет явные черты исторических связей с культурой штампованной керамики Приморской области. Свообразие чжэцзян-фуцзяньского неолита признавал, по существу, и Линь Хуй-сян, отмечавший, что на территории Китая только здесь встречаются, как характерное каменное орудие, ступенчатые тесла [9, 63].

³ Интересно, что в этой работе С. А. Семенов косвенно объясняет отсутствие в Гуандун-Гуансийской зоне каменных наконечников стрел, указывая, что в подобном случае камень заменял бамбук [1, 169].

⁴ Средний неолит здесь, как и по всей Приморской области, характеризуется плечиковыми топорами, раковинными скреблами и появлением грубой керамики со штампованным орнаментом.

ва У и Юэ. У локализируют на юге Цзянсу и севере Чжэцзяна, а Юэ — в остальной части Чжэцзяна. Однако, начиная с Линь Хуй-сяна, археологи значительно расширяют территорию царства Юэ, включая в нее и провинцию Фуцзянь⁵, где, по письменным источникам, в эпоху Чжаньго обитали миньюэ.

Именно таким образом интерпретировал археологический материал из области Нанкин — Тайху и северной зоны Приморской области в 1955 г. Инь Хуан-чжан. Он писал: «Мы знаем, что племена миньюэ из Фуцзяни ханьского периода принадлежали к ветви боюэ, их языком был язык (населения) Юэ, они татуировали тело, были хорошими мореходами, употребляли в пищу многие продукты моря. В долине Миньцзян, на неолитических стоянках, обнаружено большое число панцирей черепах, раковин устриц, раковин одностворчатых моллюсков, а также орудий труда, предназначенных для ловли представителей речной и морской фауны. Исходя из этого, можно сказать, что реальная действительность того времени совпадает с описанием письменных источников. Обнаруженные в Фуцзяни топоры и наконечники стрел сходны с найденными у озера Тайху и на берегу Цяньтанцзян. В Чжэцзяне, в Лаохэшань, было как-то найдено трехрогое (с тремя остриями. — *Р. И.*) каменное орудие, похожее на алебарду или заступ. Когда-то в том же Чжэцзяне в уезде Хуанянь была найдена аналогичная названной выше, но большего размера каменная „алебарда“. По своей форме она напоминает рукоять с тремя рогами общей длиной 38 см, шириной 17 см, толщиной 20 мм, в центре было отверстие. Некоторые люди говорят, что древнее население Чжэцзяна, употреблявшее такую „каменную алебарду (или заступ) — юэ“, брали ее название как имя, поэтому тогда их называли „юэ“ (здесь во втором случае иероглиф „юэ“ отличен от первого. — *Р. И.*). Но, например, в выражениях „колокол правителя царства Юэ“, „меч правителя царства Юэ“ во всех случаях название царства пишется через иероглиф, обозначающий алебарду⁶. Таким образом, можно видеть, что древнее „юэ“, обозначающее тип орудия, впоследствии стало топонимом. В тех районах Чжэцзяна, где найдены такого типа алебарды-заступы кроме красной керамики с большой примесью песка в тесте всегда есть хорошо обожженная керамика с геометрическим штампованным орнаментом [7, 76]». И хотя Инь Хуан-чжан не считает окончательно решенным вопрос о связи культуры штампованной керамики хорошего обжига с культурой царства У и Юэ, для него правомерна сама постановка такой проблемы [7, 75—76].

Несомненно, Чжэцзян являлся центром царства Юэ, так как здесь были сделаны основные находки тех предметов, которые имеют надпись с двумя знаками — «ван Юэ». К таким находкам последнего времени, как явствует из статьи Ван Ши-луня, относится каменный наконечник копья из раскопок 1957 г. в уезде Шаосин провинции Чжэцзян [см. 3, 256—257]. В надписи на нем (это копье не было оружием, а, видимо, имело культовое назначение) также есть указанное выше сочетание «ван Юэ». В данной публикации автор сообщает и о том, что в чжэцзянском археологическом материале периода Чуньцю основным является сочетание глазурированной керамики с хорошо обожженной штампованной керамикой [3, 256]. Последнее замечание в какой-то мере по-

⁵ Так, авторы отчета об археологической работе в 1958 г. в южной половине Фуцзяни писали: «Неолитические стоянки районов южной Фуцзяни также, возможно, являются частью культуры древних юэских племен» [15, 244].

⁶ Превосходным доказательством чему служит также проведенный Ма Чэн-юанем анализ надписи на мече из Шанхайского музея, где достаточно четко видно сочетание «правитель Юэ» с тем же иероглифом [12, 53].

звolyет принять положение Инь Хуан-чжана о фактических границах царства Юэ, так как нам уже известно аналогичное сочетание двух типов керамики в Фуцзяни. Правда, и Инь Хуан-чжан и Линь Хуй-сян, разделяющие точку зрения о единстве южнокитайского неолита (исходя из повсеместного распространения штампованной керамики), стремятся связать культуру У и Юэ со всей Приморской областью того периода, однако конкретные данные, касающиеся этих царств, ограничиваются только северной зоной ее.

Отмеченные культурные и, очевидно, этнические различия между северной и южной зонами Приморской области понуждают обратиться к свидетельствам письменных источников о дуньюэ и миньюэ, с одной стороны, и боюэ и наньюэ — с другой. Конкретные сведения о них, фиксированные в «Шицзи» и «Цяньханьшу», имеют достаточно четкую начальную датировку — конец III в. до н. э. Вместе с тем здесь же можно найти некоторые замечания о предшествующих периодах истории первых двух этнических групп, а также о их предках.

Именно в этой связи обращает на себя внимание статья Хун Ли о пиктограммах на скальных поверхностях в 15 пунктах Фуцзяни [17]. Первое сообщение о пяти таких надписях было опубликовано в мае 1960 г. в местных газетах, где излагался доклад Линь Чжао — участника специальной экспедиции провинциального отдела культуры и АН КНР. По заключению этой экспедиции, обнаруженные пиктограммы, «возможно, принадлежат коренным малым народам, обитавшим здесь до прихода китайцев в Фуцзянь» [17, 67]. Хун Ли сообщает в своей статье о еще десяти пунктах с подобными надписями, которые местное население почитает за символы, оставленные духами гор. Разделяя, в общем, вывод экспедиции о принадлежности пиктограмм доханьскому населению, Хун Ли предполагает, что их создателями, возможно, были дуньюэ, основавшие в 220 г. до н. э. свое царство на этой территории. Это царство было разгромлено ханьцами в 110 г. до н. э., следовательно, пиктограммы не могли быть созданы позднее этого года. По мнению Хун Ли, после разгрома в 334 г. до н. э. чусцами Юэ «юэсцы были рассеяны, их правители разделились, став то ли ванами, то ли цзюнями на прибрежных территориях к югу от Янцзы. Возможно, что именно в это время потомки Гоу Цзяня пришли в Минь (Фуцзянь.—*Р. И.*), также возможно, что в это время сюда проникли железные изделия, поэтому появилась возможность высечь на скальной поверхности „священные надписи“» [17, 68]. Подобное толкование опирается на сведения древнекитайских источников. В «Шицзи», а также «Цяньханьшу» сказано: «Ван миньюэ Учжу, а также ван юэ Восточного моря (юэ дунхай) Яо, потомки общего предка — Гоу Цзяня, вана Юэ, носили имя (син) рода (ши) Цзоу. Когда Цинь объединило Поднебесную и упразднило всех правителей областей (цзюньчжан), на их (миньюэ и дуньюэ) землях сделало область (цзюнь) Миньчжун» [11, 79, 299]. В обширных комментариях к первой фразе есть два интересных замечания: 1) в комментарии Чжан Чжао: «После того как Чу разгромило Юэ, дети и внуки (юэского вана.—*Р. И.*) были рассеяны и несли службу Чу» [11, 82] и 2) в комментарии Дин Цяня: «Миньюэ — это современная Фуцзянь, а Дунхай — современные южные районы Чжэцзяна» [11, 82—83]. В комментарии ко второй фразе приводится пояснение по географическому своду «Диличжи», согласно которому «в числе 36 цзюней династии Цинь не числится цзюнь Миньчжун, так как он учрежден был в последний год Цинь Ши-хуанди и тогда лишь принадлежал Цинь, поэтому-то земли правителей Учжу и Яо принадлежали Цинь недолго. [Правители юэ] присоединили свои войска к войскам чжухоу, [чтобы]

разгромить Цинь, поэтому [Миньчжун] не значится в числе 36 цзюней» [11, 83].

Великий китайский историк Сыма Цянь заключает повествование о дунъюэ примечательным риторическим вопросом: «Хотя юэ (минъюэ и дунъюэ.— *Р. И.*) — южные варвары, разве их предки некогда не были народом, имевшим большие заслуги?» [11, 82]. Сыма Цянь тоже пишет, что предок их правителей, Гоу Цзянь, был ваном Юэ.

Итак, никаких сомнений о некитайском характере царства Юэ, а также и У, которое было поглощено первым, нет, как нет и сомнений о генетической связи минъюэ и дунъюэ, появившихся в исторических записях III в. до н. э. с прежним населением Юэ. Остается, следовательно, вопрос об этнической принадлежности этого населения, т. е. о соотношении его прежде всего с протомалайцами, протоиндонезийцами, на что обращалось внимание при рассмотрении неолита Приморской области.

В этой связи обратимся к статье Линь Хуй-сяня «Связи малайцев Южного океана и древних народов Южного Китая» [10], в определенной степени обобщающей прежние работы автора в этой области.

Не касаясь вновь спорных, с нашей точки зрения, теорий Линь Хуй-сяня, согласно которым неолит и энеолит Приморской области — единый культурный комплекс во все времена и соответственно минъюэ, дунъюэ, нанъюэ и другие юэ — варианты одного и того же этноса, восходящего к царству периода Чжаньго, остановимся на той части статьи, где он делает попытку сопоставить царство Юэ с протомалайцами, т. е. рассматривать юэ юго-восточного побережья (а значит, дунъюэ и минъюэ) как малаеязычную группу. Дело в том, что археологические материалы достаточно убедительно говорят о близости памятников из северной зоны Приморской области с Тайванем и островами Южных морей. Об этом писал, в частности, и Линь Хуй-сян при подведении итогов многолетних раскопок в Южной Фуцзяни, подчеркивавший, что ступенчатые тесла, характерные, как отмечалось выше, для этой зоны, встречаются также на Тайване, в Гонконге и на южных островах Тихого океана [9, 63]. Чрезвычайно интересна в этом плане находка в стоянке у Хайнина (северный Чжэцзян) фрагмента ножки лепного сосуда серого цвета из слабообожженной глины с рисунком, изображающим человеческое лицо. Сделан он в довольно реалистической манере и напоминает подобные изображения на современных щитах тайваньских горцев [2]. Необходимо упомянуть также о сходстве орнамента современных малаеязычных горцев Тайваня (гаошань) с орнаментом штампованной керамики этой зоны; о том, что, по П. Бенедикту, в южных диалектах китайского языка, распространенных в Юго-Восточном Китае, прослеживается малайский субстрат [см. 18а].

Для нас нет сомнений, что в позднем неолите и энеолите Приморская область подразделяется на две локальные зоны. Юэ, расселенные в северной зоне, назовем условно северными юэ, а в южной зоне (Гуандун — Гуанси) — южными юэ. Именно с северными юэ обнаруживаются малаеиндонезийские параллели, именно о северных юэ говорится в хрониках как о мореходах, как о людях, татуирующих тело, как о переселенцах на Тайвань⁷. И именно с северными юэ, а точнее, с населением царства Юэ связано открытие в 1953 г. японским ученым Х. Идзуи в памятнике ханьского периода «Шоюань» Лю Сяня песни

⁷ В одной анонимной китайской хронике («Миньфань чжэняо») сказано, что варвары, горцы Тайваня, — выходцы из миньских (фуцзяньских) районов материка [12а, 3а—3б].

царства Юэ, которая может быть понята, с его точки зрения, только через малайский язык [23]. Это открытие оспаривается, но любопытно, что свои возражения основные оппоненты Идзуи черпают из языковых данных проф. Мацумото, относящихся не к дунъюэ и минъюэ, а к боюэ (т. е. к южным юэ), в языке которых находят как тайские, так и мон-кхмерские и даже тибето-бирманские параллели [25].

Таким образом, с учетом всего сказанного можно с большой долей вероятности считать северных юэ протомалайским (древним малайе-полинезийским) населением. Вытеснение их с материка началось в I тысячелетии до н. э. и было особенно активным в IV в. до н. э.—IV в. н. э. Малайский этнос на материке не исчез бесследно. Память о нем сохранилась в ряде языковых, этнографических и антропологических особенностей современного населения юга восточноазиатского материка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов С. А. К вопросу о некоторых орудиях каменного века Юго-Восточной Азии.— Борисковский П. И., Первобытное прошлое Вьетнама, Л., 1966, стр. 166—170.
2. Бай Чжэ-ши, Хайнинсян Пэнчэничжисянь жэньмяньвэнь таопянь (Керамический черепок с изображением человеческого лица со стоянки Пэнчэн уезда Хайнин),— «Вэнь», 1960, № 7, стр. 70—71.
3. Ван Шилунь, Ци Чжэцзян фасяньды тунцзин, ютаочжун хэ Юэван шимао (О находках в Чжэцзяне бронзовых зеркал, колокола из глазурованной керамики и секиры вана Юэ),— «Каогу», 1965, № 5, стр. 256—257.
4. Жао Хуй-юань, Етань иньвэньтаоды цигэ вэньти (О некоторых проблемах культуры штампованной керамики),— «Каогу», 1960, № 3, стр. 47—51.
5. Жао Хуй-юань, Люетань дуйюй юэгань дицюй цзичу синьшици ичжиды жэньши (О некоторых неолитических стоянках провинций Гуандун и Цзянси),— «Каогу», 1965, № 10, стр. 517—524.
6. Жун Гуань-сюн, Хайнаньдао лицзущой фасяньды синьшици (Неолит района обитания хайнаньских ли),— «Каогу», 1956, № 2, стр. 41.
7. Инь Хуан-чжан, Хуадун синьшицишидай ичжи (Неолит Восточного Китая), Шанхай, 1955.
8. Инь Хуан-чжан, Гуаньюй дуннаньдищой цзихэ иньвэньтаошидайды чубу таньцэ (Предварительные соображения о хронологии штампованной керамики юго-восточных районов),— «Каогу сюэбао», 1958, № 1, стр. 75—85.
9. Линь Хуй-сян, Фуцзянь наньбуды синьшицишидай ичжи (Неолитические стоянки южной части Фуцзяни),— «Каогу сюэбао», 1954, № 8, стр. 49—64.
10. Линь Хуй-сян, Наньян малайцзу юй Хуадун гуминьцзуды гуаньси (Связи малайцев Южного океана и древних народов Южного Китая),— «Сямынь дасюэ сюэбао», 1958, № 1, стр. 189—220.
11. Лидай гоцзу чжуаньцзи хуйбэнь (Собрание сведений о народах из династийных хроник), Шанхай, 1958.
12. Ма Чэньюань, Юэван цзянь (Меч вана Юэ),— «Вэнь», 1962, № 12, стр. 53—54.
- 12а. Миньфань чжэняо (Самое важное о миньских варварах), [б. м.], [б. г.].
13. Тун Чжучэнь, Синьшицишидай каогусюэ чанши (Элементарные сведения об археологии неолита),— «Вэнь», 1960, № 8—9, стр. 88—89.
14. Тун Чжучэнь, Чжунго юаньшишэхуй ваньцзилидайды цигэ тэчжэн (Некоторые особенности последнего этапа первобытной истории Китая),— «Каогу», 1960, № 5, стр. 31.
15. Фуцзяньшэн вэньу гуаньли вэйюаньхуй, Миньнань синьшицишидай ичжиды дяоча (Обследование неолитических стоянок Южной Фуцзяни),— «Каогу», 1961, № 5, стр. 237—244.
16. Фэй Сяо-тун, Кайчжань шаошу миньцзудищой хэюй шаошу миньцзулидай гуаньюйды дицюйды каогу гунцзо (Археологическая работа в районах национальных меньшинств и ее связь с историей этих народов),— «Каогу», 1956, № 3, стр. 3—4.
17. Хунь Ли, Фуцзянь шаошу миньцзуды мовэньцзы (Пиктограммы малых народов Фуцзяни),— «Вэнь», 1960, № 6, стр. 67—68.
18. Чжэцзяншэн вэньу гуаньли вэйюаньхуй, Шаосин личжуды ханьму (Ханьские могилы из Личжу уезда Шаосин),— «Каогу сюэбао», 1957, № 1, стр. 140.

- 18a. Benedict P. K. Trai, Kadai and Indonesian,— «American Anthropologist»; vol. XLIV, 1942, cрp. 576—601.
19. Chang Kwang-chin Prehistoric and early historic culture horizons and traditions in South China, CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 359, 368—375.
20. Comments and reply, CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 384—406.
21. Grace George W. The linguistic evidence, CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 361—368.
22. Heyerdahl Thor Comments, CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 391.
23. Izui H. A propos d'une chanson indéchiffrée dans le Chouo-Yan de Liou-Hiang,— «Gengo Ken Kyû», 1953, № 22—23, cрp. 41—43.
24. Movement of the Malayo-Polynesians: 1500 B. C. to A. D. 500,— CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 359—406.
25. Obayashi Taryo Comments, CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 394—395.
26. Solheim II Wilhelm G. Pottery and the Malayo-Polynesians, CA, 1964, vol. 5, № 5, cрp. 360, 376—384.